

**АРКАДИЙ
ГАЙДАР**

БАНДИТСКОЕ
ГНЕЗДО

Аркадий Петрович Гайдар

Бандитское гнездо

Аннотация

«Переходили мы в то время речку Гайчура. Сама по себе речка эта – не особенная, так себе, только-только двум лодкам разъехаться. А знаменита эта речка была потому, что протекала она через махновскую республику, то есть, поверите, куда возле нее ни сунься – либо костры горят, а под кострами котлы со всякой гусятиной-поросятиной, либо атаман какой заседает, либо просто висит на дубу человек, а что за человек, за что его порешили – за провинность какую-либо, просто ли для чужого устрашения, это неизвестно...»

Аркадий Гайдар

Бандитское гнездо

Переходили мы в то время речку Гайчура. Сама по себе речка эта – не особенная, так себе, только-только двум лодкам разъехаться. А знаменита эта речка была потому, что протекала она через махновскую республику, то есть, поверите, куда возле нее ни сунься – либо костры горят, а под кострами котлы со всякой гусятиной-поросятиной, либо атаман какой заседает, либо просто висит на дубу человек, а что за человек, за что его порешили – за провинность какую-либо, просто ли для чужого устрашения, это неизвестно.

Переходил наш отряд эту негодную речку вброд, то есть вода кому до пупа, а мне, как стоял я всегда на левом фланге сорок шестым неполным, прямо чуть не под горло подкатила.

Поднял я над башкою винтовку и патронташ, иду осторожно, ногой дно выщупываю. А дно у той Гайчуры поганое, склизкое. Зацепилась у меня нога за какую-то корягу – как бухнул я в воду, так и с головой.

Поднялся, отфыркиваюсь, гляжу – винтовки в руке нет: упустил.

Взяла меня досада, а тут еще товарищи на смех подняли:

– Эх ты, растютюй!

– Рак у него клешней винтовку вырвал.

«Ах, – думаю, – дорогие товарищи, рады над чужой бедой пособачиться!» Добрался я до берега, сымаю с себя обмундировку и говорю:

– Я свою винтовку не то что раку, а самому черту не оставлю. Идите своей дорогой, а я вас догоню.

Пока обмотки размотал, пока ботинки разул, а тут еще ремешки от воды заело – от ребят и стука не слышно.

Полез я в воду, нырнул раз – не вижу винтовки, нырнул второй – опять ничего. И долго это я возился, пока наконец ногой на самый затвор наступил. «Ну, – думаю, – сейчас достану тебя, проклятую».

Только стал воздуху в грудь набирать – поднял глаза на берег, да так и обомлел. Гляжу – сидит на лугу здоровенный дядя, грива из-под папахи чубом, за спиной обрез, в зубах трубка, а сам, снявши порты, мои новые суконные на себя примеряет.

Возмутился я эдаким нахальным поступком до отказа и кричу ему, чтобы оставил он свое подлое занятие. А человек в ответ на это обматюгал меня басом. Вскинул обрез и давай меня на мушку не торопясь брать.

Вижу я, дело – табак, нырнул в воду. Ну, ясное дело, через минуту опять наверх. Он опять целится, я опять в воду, только наверх – а он снова за обрез. Рассердился я и кричу ему, что человек не рыба и под водою вечно сидеть не может и пусть он или оставит свою игру, или стреляет, когда на то пошло.

Тогда он загыгыкал, как жеребец, забрал всю мою одежду и, сделав в мою сторону оскорбительный выверт, повернулся и исчез за деревьями.

Достал я винтовку, выбрался на берег и думаю, что же теперь дальше будет. Все, как есть, забрал проклятый махновец. А надо вам сказать, что с махновцами у нас хоть открытой войны еще не было, но терпели их, бандитов, красные только по случаю неимения свободных частей, чтобы уничтожить.

Ну, думаю, своих надо догонять. Подхватил винтовку и пошел краем дороги. Иду вроде как бы Адам – кругом птички насвистывают, на лугах цветы, ну форменно как рай, только на душе тошно.

Смотрю вдруг – дорога надвое пошла. Стал я раздумывать, по которой наши прошли. Дай, думаю, поищу на земле какого-нибудь признака.

Нашел на одной дороге коробок из-под спичек, на другой – пустую обойму. И не могу никак решить, какой же признак правильный. Плюнул и пошел по той, на которой обойма.

Шел этак часа полтора – смеркаться стало. Гляжу, хутор, на завалинке бабка сидит старая.

Неловко мне в моем виде стало с вопросом подходить, к тому же и испугаться может, крик поднимет – а кто его знает, что за люди на этом хуторе.

Спрятался я за кусты, винтовку в листья сунул, сажу и

ожидая, пока затемнится. Только вдруг выбегает из ворот собачонка, прямо ко мне – как загавкает, такая сука ехидная, так и норовит за голую ногу хапнуть. Я двинул ее суком, она еще пуще. Выходит из-за ворот дядя и прямо в мою сторону – раздвинул кусты, увидел меня и аж рот разинул.

Потом спрашивает:

– А что ты есть за человек, от кого ховаешься и який у тебе документ...

А какой у голого человека может быть документ! Отвечаю ему печальным голосом, что документа у меня нет, потому что есть я мирный житель, ограбленный неизвестными людьми.

Тогда он спрашивает:

– А какими людьми, красными или махновцами?

Я же понял всю хитрость этого вопроса, то есть что хочет человек узнать мое политическое направление. Смотрю, хата богатая, амбары крепкие – «ну, думаю, кулак, значит», и отвечаю ему:

– Красными, вот что тут недавно проходили, чтобы они сказались.

– Ну, – говорит он, – заходи вон в ту клуню, я тебе какие-нибудь шмоты вынесу. Надо же помочь своему человеку...

Сижу я в клуне, дожидаясь. Входит опять старик и сует мне какую-то одежду. Одел я порты из дерюжины, глянул на рубаху и обмер: «Мать честная, богородица лесная, да это

же моя гимнастерка!» Тот же рукав разорван, на подоле дыра – махоркой прожег, и чернильным карандашом на ворота метка обозначена. «И как, – думаю, – она сюда попала?» Хорошего ожидать от всего этого не приходится.

Хозяин в избу зовет. Иду за ним. Поставила бабка крынку молока, шматок сала отрезала и хлеба ковригу:

– Ешь!

Я ем, а сам вижу, что на окошке три винтовочных патрона валяются. В том, что валяются, конечно, ничего удивительного – в те годы земля этим добром густо пересыпана была, и ребятишки ими вместо бабок играли, и бабы из них подвески делали, и мужики по хозяйству приспособляли, а оттого у меня сердце забилося, что винтовка у меня рядом в кустах запрятана, а патронов к ней нет.

Взял я да и незаметно сунул все три штуки в карман.

– Ложись спать, – говорит хозяин. – Утром дальше пойдешь. Сын Опанас придет, он тебя утром на дорогу выведет.

Положили меня в сени, на солому, и обращаю я внимание на тот факт, что дверь изнутри на висячий замок заперли, так что не пойму я, то ли я в гостях, то ли в ловушке.

Лежу... Час проходит, а не спится мне. Потом слышу в окошке стук. Вышел тихонько хозяин, отпер дверь, и прошли мимо меня в избу теперь уже двое.

Не стерпел я – подошел к двери и слушаю...

Старик говорит:

– Слушай, сынку! Объявился у нас в кустах человек, сидит

и чего-то выглядывает. Говорит, что красные его раздели, – я заманил его в хату. Хай, думаю, поспит у нас до твоего прихода.

И отвечает ему вдруг знакомым басом этот отъявленный махновец Опанас:

– А врет же он, гадюка! Это не иначе, как тот, чью одежду я сегодня забрал. И напрасно я его сразу не кончил, чтобы он не высиживал... Где он у тебя? В сенях?.. Оружия у него нету?

Как услышал я эти слова да шаги в мою сторону – так сразу по лестнице на чердак...

Те шум учуяли; один, значит, отпирать бросился и другой с ним. А сам старик лестницу с дубиной караулит.

Я прямо с чердака махнул на землю. Как грохнет возле меня выстрел мимо. Бросился я к кустам – за винтовкой... Никак не могу впопыхах найти сразу, а за мною бегут, с трех сторон окружают. Нашупал приклад, заложил патроны.

– Сюда! – кричит возле меня махновец. – Да не бойтесь, у него ничего нет.

Только он ко мне просунулся – так на землю и грохнулся. А второй, думая, что это махновец стрелял, подбегает тоже и спрашивает:

– Ну что, кончил?

– Кончаю, – говорю ему, и так же в упор.

Подобрал патроны – и в хату. А папаша стоит и результатов дожидает. Однако увидел меня при луне, закричал да

ходу... Зашел я тогда в горницу. Вижу, моя шинелька висит и ботинки.

«Вашего, – думаю я, – мне не надо, а свое я дочиста заберу».

Вышел; вдруг блеснул огонь из-за кустов, и несколько дробин мне под кожу въехали.

«А, – думаю, – вот как?» Схватил с подоконника серняка, чиркнул – и в крышу... Взметнулось пламя, как птица, на волю выпущенная.

А я бросился бежать. Долго бежал. А потом остановился дух перевести.

Смотрю, а зарево все ярче и ярче. Потом грохот начался, точно перестрелка в бою... Это рвались от огня запрятанные в доме патроны...

Махнул я рукой и подумал:

«Пропади ты, пропадом, бандитское гнездо!» Повернулся и пошел дальше в опасный путь, на дорогу выбиваться, своих разыскивать.